

ББК ТЗ(4РОС37)7-56

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

Т. П. Хлынина

Статья посвящена рассмотрению вопросов взаимодействия истории и политики. В ней на конкретных примерах рассматривается незавершенность процессов нациестроительства на Северном Кавказе и роль в нем событий прошлого. Отмечается политизированность современных практик нациестроительства и зависимость их успешности от позиции федерального центра, профессиональных образов рошлого и восприимчивости к ним этнических активистов.

Ключевые слова: история, политика, нациестроительство, Северный Кавказ, образы прошлого

Последние десятилетия ушедшего и начавшегося столетий стали свидетелями настоящего историографического бума. Только одно количество опубликованных за этот период времени статей, монографий и популярных изданий поставило под сомнение статус истории как научной дисциплины [1], а попытки переосмысления ряда ключевых событий недавнего прошлого уже вызвали довольно нервную реакцию со стороны государства [2]. Вместе с тем неослабевающий интерес к прошлому, его незримому и явно осязаемому присутствию в окружающей нас действительности свидетельствует об особой роли истории в жизни российского общества. Начавшийся еще в эпоху Просвещения поиск надлежащего нам цивилизационного ряда, который вмещал бы в себя и безбрежное, разбегающееся пространство страны, и ее высокое христианское предназначение, привел к постепенной реификации прошлого: из наследия-символа оно превратилось в живое подтверждение онтологической избранности и высокого предназначения российской цивилизации. Подобного рода метаморфозы не могли не сказаться и на положении гуманитарного знания в социальном пространстве страны. Как отмечают специалисты, оно все еще остается *«не совсем привычным. Нормальным признается его маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуяно страстью узнать, что случилось в далеком или недавнем прошлом, с ним что-то не в порядке: оно страдает либо от внутреннего антагонизма, либо от комплекса национальной вины, либо от комплекса национальной неполноценности. Для обычного общества его история и его культура остаются данностью, в принципе важной для его самосознания, но лишенной злободневного азарта»* [3]. Современное общество с его сложносоставной социальной структурой, одновременным сосуществованием анклавов традиционализма и проявлений постиндустриального мира все чаще обращается к истории как науке, которая *«стабилизирует наш образ прошлого, тогда как нормальным процессом является именно его изменение»* [4]. Завораживающая обращенность в прошлое, а также активная апелляция к нему характерны для многих российских народов, вовлеченность которых в модернизационные преобразования последних трех столетий поставила под угрозу саму возможность сохранения и передачи историко-культурного наследия последующим поколениям. Ощущение этой угрозы, нередко воспринимаемой массовым сознанием как «этнический геноцид и культурная ассимиляция» со стороны более успешных и численно превосходящих соседей, оказывается не только предметом

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» (2012–2014).

серьезных профессиональных размышлений, но и влиятельным политическим ресурсом. Ресурсом, обращение к которому продиктовано, по большей своей части, не стремлением понять причины не свершившегося в прошлом, а настойчивой потребностью исправить ошибки истории. Одной из таких ошибок как раз и признается незавершенность советского проекта нациестроительства, рассматривающегося на сегодняшний день одной из основных причин всплеска национального самосознания современных народов.

Следует особо отметить, что вопрос о природе возникновения и обстоятельствах формирования советских социалистических наций относится, пожалуй, к одной из наиболее ангажированных и иррациональных областей знания о прошлом российского общества. Рассматриваемые результатом советской национальной политики, они, вместе с тем, мыслились в категориях примордиализма, не позволявшего увидеть во многом рукотворный характер их происхождения. Степень этой рукотворности зависела от внутриэтнической консолидации будущих наций, конкретных обстоятельств их взаимоотношений с «эксплуататорскими элементами» и решением текущих социально-экономических и политических задач власти. Свои особенности процесс построения социалистических наций имел и на Северном Кавказе, где по заключению одного из его архитекторов, *«мы не застали оформленных наций. Они только теперь начинают формироваться. Самое интересное то, что советская власть создает нации, помогает оформиться отдельным племенам как нациям»* [5]. Он же отметил и основной институциональный рычаг нациестроительства, ставший впоследствии ахиллесовой пятой советской национальной политики: *«... в Советском Союзе все наимельчайшие народы, даже те, которых на большой географической карте не было видно, <...> получили разрешение национального вопроса и самоопределились в порядке государственного оформления»* [6]. Однако на практике процесс самоопределения оказался процедурой далекой от волеизъявления его непосредственных участников и превратился, по образному выражению современного исследователя, в *«спонсируемый государственный эволюционизм»*. Большевики не только пытались, но и взяли под свой контроль *«неизбежный процесс образования наций посредством ускорения продвижения отсталых народов через марксистские стадии исторического развития»* [7]. Для Северного Кавказа это ускорение вылилось в напряженный поиск советской властью таких форм административно-территориального устройства народов, которые должны были не только поднять их до уровня промышленных наций, но и закрепить за каждой из них незыблемое право на некогда занимаемые исторические территории. Со временем к этой триаде добавится и требование (кстати, успешно выполнявшееся советской историографией) признания вины Российской империи в отношении колониальной политики на национальных окраинах и массового истребления нерусских народов. Так и оставшиеся невыполненными эти требования, помноженные на неэффективность нынешней национальной политики, становятся неиссякаемым источником актуализации прошлого и его изрядной политизации.

На сегодняшний день взаимоотношения, складывающиеся между историей и политикой, уже не представляются столь однозначными и не могут быть сведены к известной некогда формуле о том, что *«история есть ничто иное как опрокинутая в прошлое политика»*. Существующие между ними связи гораздо глубже и могут быть представлены двумя исследовательскими парадигмами, несущими различную логику разработки конкретных сюжетов. В одной из них социально-исторический контекст задает рамки интерпретации политической реальности. В другой, – политический контекст диктует прочтение исторических реалий [8]. Впрочем, на практике их проявления трудно разграничиваемы. Тесное переплетение прошлого и настоящего, манипулирование историей для решения текущих политических задач наиболее

характерно для кризисных периодов развития общества. Пик их напряженности пришелся на 1990-е гг. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов стала историческая память с ее весьма болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям [9].

Так, по наблюдениям современного исследователя, именно фактор депортации сообщил *«этносоциальному опыту балкарцев новейшего времени элемент исключительности, который не мог не оказать в дальнейшем глубокое и долгосрочное воздействие на все этнополитическое развитие... С принятием Закона о реабилитации репрессированных народов в сознании и политической практике балкарской национальной элиты происходит полное отождествление понятия “реабилитация” с понятием “политическое самоопределение балкарского народа”, а набор требований о выполнении этого закона совпал с программой суверенизации Балкарии (а значит, соответственно, Кабарды) и “федерализации” республики»* [10]. В свою очередь, период активного противостояния власти и действующей оппозиции в Карачаево-Черкесии, который пришелся на 2000–2003 гг., был отмечен начавшейся *«мифологизацией истории, удревлением этносов, искажением исторических фактов в интересах тех или иных народов в политических целях – обоснования своего древнего права на земли, на государственность»* [11].

Наглядным примером вторжения политики в область прошлого и его активизации являются ведущиеся уже не один год в Адыгее споры о дате основания ее столицы – города Майкопа. Официальная дата, не только нашедшая отражение в целом ряде публикаций, но и закреплённая в Уставе муниципального образования «Город Майкоп», связывает его основание с созданием на данном месте русской военной крепости в мае 1857 г. Однако представители адыгских общественных организаций считают, что празднование указанной даты закрепляет результаты *«колониальной войны» и оскорбляет чувства коренного населения – «потомков черкесов, подвергшихся геноциду с конца XVIII до начала XX вв.»* [12]. Требование празднования Дня города без указания даты его основания было поддержано и учеными республики. Более того, именно статья археолога Н. Г. Ловпаче «К истории основания Майкопа», собственно, и стала катализатором активного неприятия Советом республиканского движения «Адыгэ Хасэ» официальной даты основания города. На это обстоятельство было обращено внимание в информации, размещенной на официальном сайте Черкесского конгресса Адыгеи: *«Напомним, данный вопрос уже выносился на рассмотрение Совета организации – летом прошлого (2006 г. – Т.Х.) года. Однако тогда руководство организации должного внимания к предстоящему празднованию не проявило»* [13].

В 2009 г. в связи с выходом книги Н. Г. Ловпаче, посвященной истории города, дискуссии относительно правомерности даты его основания, потерявшие свою сугубо академическую значимость, переместились в новую плоскость. На основании авторского прочтения надписи на Майкопской плите, аттестуемой *«самым древним памятником письма на территории бывшего СССР и, естественно, России»*, город обретает свою древнюю и средневековую историю. *Ей, по самым приблизительным подсчетам автора, насчитывается 3,2 тыс. лет. Таким образом, у современного жителя республики появляется «возможность в течение 2009–2010 гг. отпраздновать юбилей самого древнего города в России»* [14]. В результате отпадает необходимость связывать возникновение Майкопа с моментом закладки русской крепости и деятельностью российской «колониальной администрации». Подобный подход отражает стремление национальной истории преодолеть «российскоцентризм» и создать «подлинную» историю народа. Еще одним наглядным политическим поводом для оживления «горечи прошлого» в отношении событий Кавказской войны и ее

трагических последствий стало решение МОК о проведении Олимпиады в Сочи в 2014 г. Необходимо отметить, что официальным завершением Кавказской войны считается парад русских войск 21 мая 1864 г. на территории нынешней Красной Поляны, где и планируется проведение Олимпийских игр.

Уже в феврале 2007 г. на заседании адыгейской республиканской организации «Адыгэ Хасэ» было объявлено, что *«Совет организации не намерен выступать против проведения данного мероприятия в Сочи. Однако если местом проведения будет избран Сочи, то российское руководство и весь мир должны знать, на чьей исторической земле проходит олимпиада»* [15]. В дальнейшем радикализм выдвигаемых требований усилился. В марте 2010 г. «Джеймстаунский фонд» [16] обратился в МОК с просьбой не проводить Олимпиаду в Сочи, в связи с тем, что *«неправильно проводить игры на месте трагических событий Кавказской войны XIX века»* [17]. Трагическая судьба местного населения стала объектом пристального внимания не только исследователей, но и современных общественных организаций. По оценкам специалистов, *«в условиях политизированной этничности Кавказская война интерпретируется как событие, нанесшее адыгам непоправимый ущерб. Она трактуется как агрессия имперской России с целью колонизации Северного Кавказа, геноцид, изгнание адыгов с мест их исторического проживания в “дальнее зарубежье”»* [18].

С требованием официального признания геноцида адыгов неоднократно обращался в Государственную Думу Российской Федерации и Европарламент Черкесский конгресс – организация, сам факт возникновения которой является наглядной иллюстрацией воздействия истории на современность. Согласно официальному сайту Черкесского конгресса Адыгеи, трагические последствия «Русско-Кавказской войны» привели к тому, что только 20 % адыгского этноса проживает в настоящее время на Кавказе, а остальные 80 % являются *«изгнанниками, ставшими гражданами других государств»*. Именно осознание необходимости сохранения языка и культуры адыгов, а также их консолидации на исторической родине явилось причиной создания новой мобильной организации. Вот как описывает процесс ее становления председатель Черкесского конгресса Адыгеи М. Берзегов: *«Такая организация была создана в Республике Адыгея 6 декабря 2004 года группой единомышленников. Мы назвали ее Черкесский конгресс. Спустя год Черкесские конгрессы появились в двух других республиках Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в разных странах мира. Они представляют собой сеть общественных организаций, преследуют одни цели и согласовывают свои действия»* [19].

В «активе» деятельности Черкесского конгресса «сбор и систематизация около 500 архивных документов периода Русско-Кавказской войны», размещенных на его официальном сайте; обращение 1 июля 2005 г. *«с приложением архивных документов»* в Государственную Думу Российской Федерации с требованием *«признания геноцида черкесского народа»*; *«деятельность по сохранению статуса Республики Адыгея в ответ на намерение федеральной власти России ликвидировать республику, отказав черкесам в праве на самоопределение»*. Анализ этих направлений деятельности Черкесского конгресса свидетельствует о широком использовании истории в осуществлении насущных политических целей, одной из которых декларируется *«правовое решение черкесского вопроса через признание геноцида мировым сообществом»*. При этом сама практика обращения к прошлому носит откровенно тенденциозный характер. Так, рубрика сайта «Архивные документы» с характерным и предопределяющим их отбор внутренним названием «Документы по геноциду», помимо собственно архивных документов, содержит многочисленные извлечения из книги кубанского историка Ф. А. Щербины «История кубанского казачьего войска», резолюции всероссийских научных конференций по вопросам противостояния адыгов

и России. Такого рода извлечения именуются «историческими источниками». Те же документы, которые действительно таковыми являются, зачастую плохо атрибутированы и не всегда содержат указания на непосредственное место своего хранения. Ни в одном из документов, самый ранний из которых датируется 1728 г., а самый поздний – 1990 г., не находят своего отражения ни разнообразные хозяйственные связи, складывавшиеся в тот период времени между адыгами и русскими переселенцами, ни начавшийся процесс культурного взаимодействия и влияния.

Требования признания геноцида адыгов вновь прозвучали на научной конференции «Сокрытые нации, делящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», которая состоялась 21–22 марта 2010 г. в Тбилиси при непосредственной поддержке «Джеймстаунского фонда» и «Международной школы изучения Кавказа» при Тбилиском государственном университете. Ее участниками была принята резолюция, направленная парламенту Грузии с просьбой «признать геноцид черкесского народа Российской империей в XIX веке» [20].

Координационный совет адыгских общественных организаций Кабардино-Балкарии осудил подобного рода обращение, заявив, что адыгский народ *«еще в XVI столетии сделал свой выбор в пользу дружбы с русским народом. Наши народы, несмотря на некоторые зигзаги истории, с честью и с достоинством пронесли знамя дружбы и взаимопомощи через века... И сегодня их потомки, безусловно, остаются верными традициям дружбы и братства между народами нашей страны... Мы исходим из того, что проблемы адыгов должны обсуждаться и решаться в нашей стране, в российском правовом поле, без вмешательства со стороны»* [21]. Показательно, что заявление Координационного совета вызвало обостренную полемику в Интернет-сообществе, обозначив болезненность и неоднозначность данной проблемы для современников.

Начавшаяся в 2005 г. административная реформа по оптимизации управления и объединению ряда территорий спровоцировала еще один всплеск интереса к прошлому, прежде всего к образованию национальных автономий северокавказских народов. В своем противостоянии центру активисты конгресса зывали к «справедливости и нерушимости решений советской власти по национально-государственному устройству Кавказа в 1920-х гг.». Однако, когда речь заходила о необходимости консолидации адыгов в составе единой республики, решения той же власти признавались не только ошибочными, но и направленными на разобщение и ослабление единого народа.

Выходом «черкесского вопроса» на новый уровень стало намерение создать в конце 2009 г. «Черкесское правительство в изгнании». Его целью объявляется *«возвращение Черкесии к статусу государственной независимости» и объединение адыгов. В достижении поставленной цели будущее правительство намерено опираться на «“Декларацию независимости Черкесии” времен Кавказской войны, 1835-го года, и на Декларацию о признании независимости Черкесии, которую Генеральная ассамблея Организации Непредставленных народов приняла в 1996-м году»* [22]. Для усиления эмоционального эффекта значимости исконной независимости адыгов в настоящее время широко обсуждается и поэтический вариант «Декларации» 1830 г., известный как «Обращение черкесов к народам Европы» [23].

«Исторический» фон конфликтности в регионе нередко провоцируется и непродуманными мероприятиями и инициативами самой власти. К их числу можно отнести широко праздновавшиеся юбилеи «добровольного вхождения» северокавказских республик и их народов в состав России. Не говоря уже о научной некорректности и сомнительности подобных оценок, их политическая непродуктивность оказалась более чем очевидной. Юбилейные мероприятия в

Кабардино-Балкарии в конце 2007 г. вызвали протестные реакции со стороны ряда общественных организаций республики. Общественная организация «Черкесский конгресс Кабардино-Балкарской республики» опубликовала заявление, в котором выразила протест против официально принятой формулировки «450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства» [24].

Аналогичную позицию заняла и адыгейская республиканская организация «Адыгэ Хасэ», выступившая против принятой формулировки «*вхождения Адыгеи в состав Российского государства*». В своем заявлении она ссылается на состоявшееся десять лет тому назад специальное расширенное заседание ученого совета Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований с приглашением ученых-историков Северного Кавказа, а также специалистов Российской академии наук. На нем было заявлено, что события тех лет при всей их исторической значимости нельзя рассматривать как присоединение или вхождение: «*Это – заключение союза, в данном случае военно-политического*» [25]. Часть балкарской общественности считала, что праздник – исключительно кабардинский, так как 450 лет назад в союз с Россией вступили именно они, а балкарцы оказались в составе России намного позже. В мае 2008 г. по инициативе общественной организации «Совет Старейшин балкарского народа» был организован балкарский праздник, посвященный 180-летию добровольного вхождения Балкарии в состав России. Реакция научного сообщества на празднование юбилеев и их оценка событий прошлого также оказалась неоднозначной, что отразили сами названия проводившихся в их честь научных конференций. Так, в Чеченской республике была проведена Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. В Карачаево-Черкесии научная конференция была приурочена к 180-летию присоединения Карачая к России. В Республике Адыгея ученые вообще выступили против проведения юбилейной конференции в связи с дискуссионностью статуса данного события.

Таким образом, властное вторжение прошлого в жизнь современного северокавказского общества наглядно свидетельствует о его неразрывной связи с продолжающимися процессами современного нациестроительства в регионе. Процессами, исход и завершенность которых все также как и более девяти десятилетий тому назад зависят от позиции федерального центра, профессиональных образов прошлого и восприимчивости к ним этнических активистов.

РЕЗЮМЕ

На Північному Кавказі історія і політика практично невід'ємні. З одного боку, знання про минуле все частіше є рішучим аргументом у суспільно-політичних дискусіях щодо долі та розвитку народів регіону. З іншого боку, сучасні проблеми «неспокійного» краю безпосередньо пов'язані з навирішенністю низки процесів націєбудівництва. Розділені народи, «довільно нарізані кордони», нехтування історичною пам'яттю стають джерелами сучасних реальних та символічних конфліктів.

Ключові слова: історія, політика, націєбудівництво, Північний Кавказ, образи минулого.

SUMMARY

In the North Caucasus history and politics virtually inseparable. On the one hand, knowledge of the past is increasingly decisive factor in the socio-political debate about the fate and development of the peoples of the region. On the other hand, the current problems of "troublesome" edges are directly linked to the unresolved a number of nation-building

processes. Divided nations, «arbitrarily cut border», the neglect of historical memory become sources of modern real and symbolic conflicts.

Keywords: history, policy, nation-building, the North Caucasus, images of the past.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Батыгин Г. С. Тематический репертуар и язык социальных наук // Россия реформирующаяся. М., 2002. - С. 98.
2. Указ Президента РФ от 20.05.09 о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. Федеральный выпуск № 4913 (89) от 20 мая 2009 г. Версия для печати: URL: <http://www.rg.ru/gazeta/rg/2009/05/20.html>.
3. Живов В. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. - С. 27.
4. Зенкин С. Свидетели, историки, филологи // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. - С. 559.
5. Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1927. - С. 9.
6. Там же. С. 5.
7. Цит. по: Новикова Л. Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. - С. 126.
8. Боров А. Х. Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6. - С. 65.
9. См.: Хлынина Т. П. История, социальная практика и социогуманитарная экспертиза на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т.V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д, 2009. С. 187.
10. Боров А. Х. – Указ. работа. - С.71, 73.
11. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. С. 279.
12. Там же. - С. 293.
- 13.Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
14. Ловпаче Н.Г. Древний Майкоп. Майкоп, 2009. - С. 206.
- 15.Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
- 16.Джеймстаунский фонд (The Jamestown Foundation) – американская неправительственная исследовательская организация, основанная в 1984 г. Своей миссией фонд называет «информирование разработчиков политики и более широкое политическое сообщество о событиях и тенденциях в тех обществах, которые стратегически или тактически важны для США и которые зачастую ограничивают доступ к такой информации». URL: www.nr2.ru/moskow/154144.html.
17. Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны. URL: geopolitica.ru/Articles/996/.
18. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. - С. 292.
- 19.Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
20. Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны. URL: geopolitica.ru/Articles/996/.
21. www.sknews.ru/.../33372-zayavlen...izacij-kbr.htm.l.
22. Правительство Черкесии в изгнании. URL: www.7kanal.com/article.php3?id=261705.

ІСТОРИЧНІ І ПОЛІТОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ, №4 (54), 2013 р.

- 23 С текстом и обстоятельствами обнаружения поэтической версии «Декларации» можно познакомиться в Интернете. См.: URL: www.djeguako.ru/content/view/226/50/.
24. Черкесский Конгресс Кабардино-Балкарии считает исторически необоснованным празднование 450-летия добровольного присоединения республики к России. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
25. Позиция Адыгэ Хасэ Республики Адыгея относительно празднования 150-летия основания г. Майкопа и 450-летия присоединения к России кардинально изменилась. URL: <http://circassiangenocide.org/>.

Надійшла до редакції 23.11.2013 р.